

Лев Власенко (www.refantasy.com), 2004

Откуп за смерть

1

Местность под названием Холмы Готора издревле пользовалась у жителей окрестных деревень дурной славой. События, происходящие в этой маленькой точке на карте близ побережья моря Спящих Воронов, стали пищей для множества разнообразных историй, наводнивших трактиры и дома поселян. Ясное дело, что лишь ограниченное число этих историй было полуправдой, а остальные — и того хуже. Все это не мешало странным и страшным событиям происходить в Холмах с пугающим постоянством: каждое полнолуние.

Сперва подозревали оборотня. Особенно после того, как возле лесных тропок, поросших дерном и буреломом сухого кустарника, стали находить растерзанные трупы. Даже спалили нескольких подозреваемых, но успокоения местным жителям это не принесло — в следующем месяце появились новые жертвы. Картина убийства оставалась прежней, менялись лишь имена жертв. Кое-кто начал утверждать, что происходящее — дело рук ведьмы или темного мага, и снова запылали костры, уничтожая живущих в округе целительниц и знахарей, что обернулось жителям Холмов страшной эпидемией чумы, унесшей вдвое больше жизней, чем оборотни, демоны и колдуны за последние полвека. Инициаторы охоты на ведьм были тут же преданы сожжению своими же бывшими пособниками, но толку от этого было немного.

В конце концов, местные жители, отчаявшись, пошли за помощью к местному магу Гаспу, фигуре столь странной и непонятной, что

обращаться к нему принято было лишь в крайних случаях. Гасп нехотя и за солидную плату согласился помочь, и, побродив пару недель по знаменитым холмам, и проведя там три ночи в полном одиночестве, выяснил, что на земле Холмов Готора лежит проклятие. Острословы в тот день шептались о том, что маг, потратив напрасно две недели, выяснил то, что в любой деревушке Холмов знает и так каждый ребенок. А знает он то, что выходить в полнолуние на улицу есть если не самоубийство, то уж точно безрассудный и рискованный шаг. И все же, каждый месяц находились глупцы и просто незнающие о проклятье люди, пренебрегающие этой простой истиной. И каждый месяц хмурые поселяне вытаскивали их трупы из провонявшего грязью и кровью кустарника, оставляя только клочки изодранной, окровавленной одежды, повисшие на черных колючках.

Для жителей Холмов Готора все это вскоре превратилось в нудную рутину такого же порядка, как сенокос или посев полей, и никто уже, кроме друзей и родственников новых жертв, не обращал внимания на новость об очередном трупе, найденном у дороги.

Так было до тех пор, пока дверь единственного во всех Холмах трактира с незамысловатым названием «Зеленый змий» не открылась посреди ночи, заставив его хозяина до крови прикусить язык от испуга и выронить стакан, который он протирал серой тряпочкой. Стакан с грохотом ударился о деревянный пол трактира и задрожал, выбивая по дереву дробь своей граненой, треснувшей стеклянной поверхностью. Но нагибаться за ним никто не и не подумал — все взгляды были устремлены на открытую дверь, за которой стояла черная, непролазная ночь, завывал ветер и сверкали далекие молнии-зарницы, освещая своими желтыми сполохами вышедшую из мрака фигуру. Дверь трактира закрылась, оставив за его стенами ветер, дождь, далекую грозу и все ужасы ночи.

Вошедший незнакомец равнодушно стерпел недовольные взгляды трактирщика и завсегдатаев «Змия», откинул назад полу длинного дорожного плаща, осыпав выбеленную стену градом мелких капель, посыпавшихся с мокрой ткани его одежды, и отбросил с головы высокий острый капюшон, придававший ему сходство со Смертью, вернее, с ее изображением на гадальных картах. Под капюшоном незнакомец носил зеленый бархатный берет, из-под которого россыпью вываливались каштановые волосы, завязанные на затылке в сложный узел прически. Два заостренных уха, выглядывающие из каштанового моря спутанных волос, могли принадлежать как нечистокровному кронду, так и чистокровному сильфу. Одет пришелец был в шелковый дублет такого же покроя, как и его берет, на котором золотыми рунами была вышита целая поэма, описывающая имена и деяния предков, как это было принято у сильфов. Длинные светло-коричневые штаны из кожи лисы-летяги и простые дорожные сапоги были обильно вымазаны грязью, показывая, что незнакомец долго путешествовал пешком. Правое плечо его было оттопырено под плащом, из чего окружающие сделали вывод, что незнакомец носит на спине меч на ульфский манер. Вывод, однако, оказался неверным: незнакомец, подходя к стойке, отбросил плащ назад, давая ему повиснуть на спине мокрой тряпкой, и все посетители «Змия» увидели, что на спине у него висит не меч, а длинная складная лиринская лютня.

Когда же странный посетитель изящно склонился за подкатившимся к его ногам стеклянным бокалом, его профессия стала ясна одновременно всем, настолько плавными и артистичными были движения путешественника. Таких, как он, называли бардами на западе, скальдами на востоке, трубадурами на севере, странствующими чародеями на юге и бродягами везде, где только звучала староэлдская речь: то есть от самого края Лиринской Империи до острова Огня.

— Я спас его от смерти, — улыбаясь, сказал скальд, держав в руках поцарапанный стакан. — Не исполнишь ли его предназначение, наполнив сладким вином?

Старый Хот, трактирщик и хозяин «Змия», вспомнив, что нынешняя ночь — не ночь полной луны, и, наконец, сообразив, что на демона Холмов Готора незнакомец похож мало, пробурчал что-то насчет манеры некоторых выражаться не слишком ясно и затребовал деньги вперед.

— Вопрос презренного металла... — пропел музыкант и извлек из кармана три золотые монеты с изображением корявого профиля гольенского императора Шьзрёга Пятого, скончавшегося при невыясненных обстоятельствах за полвека до рождения трактирщика Хота. — Этого достаточно?

— Чтоб купить мой трактир? — прохрипел Хот, уставившись на монеты. — Милсударь, вы хоть представляете себе, как ценится в этих местах гольнское золотишко?!

— Да? — как будто с сомнением спросил остроухий парень и убрал две монеты. — Извини, меньше нет. Эй! Постой! Не надо ее кромсать своим тесаком!

— Я просто стружку хотел спилить за бокал вина...

— Возьми в кредит, — улыбнулся скальд.

— Куда взять?

— В долг, — терпеливо объяснил музыкант. — Будешь отдавать его вином, пока я здесь.

Трактирщик сгреб монету, испуганно вертя головой. Потом неловко улыбнулся, одновременно стирая тряпочкой для протирки посуды пот, выступивший на шершавом морщинистом лбу.

— Выплачу, если все сразу не затребуете! — пообещал он.

— Куда уж мне, — отмахнулся путешественник. — Я ж не тролль какой-нибудь...

— Верно, милсударь, не тролль... — трактирщик внезапно пододвинулся поближе и прошептал. — Слушайте, господин. Видите вон тех косоглазых в углу? Тех, что на вас косятся... Это Тодд и Тукэ — разбойничье отребье, дрянная кровь... тьфу. Простите милсударь...

— Ничего, — успокоил его скальд. — Простота не грех.

— Остерегайтесь их, — предупредил трактирщик. — Дурное у них на уме...

— Спасибо.

Музыкант взял со стойки наполнившийся сладким светлым вином бокал и развернулся, намереваясь направиться к одному из пустующих столиков, коих в этот поздний час было большинство.

— Милсударь, — окликнул его трактирщик, и остроухий скальд, повернув голову, сверкнув в свете масляной лампы зелеными глазами. — Имя-то свое скажите, грех не узнать его у такого благодетеля...

Сильф помолчал, раздумывая с ответом, и сказал:

— Элет.

Имя было такое же странное, как и внешность чужака. Ни сильфское, ни крондское, ни ульфское, ни человеческое, ни даже гольнское или цвиргское. Одновременно могущее принадлежать любому из этих народов, или с тем же успехом не принадлежать ни одному из них. Единственное, что было ясно, глядя на странствующего барда: он не был гольеном, хааком или цвиргом. Но даже за такой вывод окружающие, скорее всего, подняли бы внимательного наблюдателя на смех. Мол, как ты, брат, догадался, открой тайну?!

Элет уселся за стол, усмехнувшись собственным мыслям, повесил мокрый плащ на пустующий соседний стул и залпом осушил бокал вина. Оно славно согрело продрогшие за время дороги мышцы и отогнало прочь ненужные мысли, заставив барда сосредоточиться на важном: а именно на Тукэ и Тодде, которые действительно косились на него, а главное, на

подвешенный к его ремню кошель. Подмигнув косоглазым, Элет с нахальным видом свистнул трактирщика.

— Слушай друг, где тут у вас можно на ночь остановиться? — спросил он у Хота, заботливо протирающего «спасенный» скальдом бокал.

— У нас в «Змие» комнат нет, — извиняющимся голосом сказал Хот. — Я слышал, старик Цоколь может пустить переночевать за деньги, его дом — крайний на хуторе...

— Спасибо.

Элет поднялся со стула, накинул все еще влажный плащ, приспустил капюшон и вышел на улицу прямо в стену дождя, полыхающую на горизонте отблесками зарниц. Надо ли говорить, что ухмыляющиеся братья Тодд и Тукэ тут же двинулись за ним, поправляя висящие на поясах короткие мечи и широкие ножи.

Вернулись они часом позже, все перемазанные в грязи, с красными от злости и унижения лицами, все еще недоверчиво ощупывая пояса, на которых совсем недавно болтались мечи и ножи — гордость бандитов. Хот только присвистнул, видя такое чудо, и, решил проявить великодушие, угостив братьев-разбойников пивом. В конце концов всякие там господа-скальды приедут-уедут, а ему здесь жить...

2

...Дом старика Цоколя был велик: пять комнат, для деревенского дома, это очень и очень много. Раньше здесь жила целая толпа стариковых родственников и кумов, но к старости Цоколя все либо умерли, либо разъехались. А дед, чтобы не заканчивать свою жизнь, батрача на поле, сдавал освободившиеся комнаты всем проезжающим по широкой дороге от Тхургольна до Берега Тысячи Грез, то есть всем путникам Восточного побережья, которых в нынешнее время затишья после трех столетий

непрекращающихся войн, было особенно много. Один из таких путников как раз сидел перед Цоколем, приканчивая тарелку горохового супа.

Элет отодвинул опустевшую тарелку, в которой еще совсем недавно курился белым дымком гороховый суп, и залпом осушил стакан воды, поморщившись от боли в ребрах. Стычка с братьями-разбойниками Тоддом и Тукэ не прошла даром: на левой стороне груди налился основательный синяк, и неизвестно, справился бы он с ними, если бы не внезапность и природное везенье, издревле сопровождающее его породу. А также своевременное предупреждение трактирщика.

Старик Цоколь провел языком по пересохшим губам и повторил:

— День — два медяка, два дня — три.

— А ночь и полдня? — спросил бард, приподнимая изящную каштановую бровь.

— А пуцай хоть и полмедяка, — равнодушно махнул рукой старик. — Чего для хорошего человека не пожалеешь... только вот платить вам все равно придется за два дня, господин хороший.

— Откуда такая уверенность? — пригладил растрепавшиеся волосы Элет. Как и любой порядочный мужчина-сильф, входя в дом, он снял свой берет вместе с вымокшим дождевым плащом, висящим сейчас на резной дубовой вешалке рядом с приставленной к стене сложенной лютней. — Завтра вечером я должен отправляться в путь. Не подскажешь, любезный, где здесь можно купить лошадей?

— Старик улыбнулся, показав полный рот наполовину сгнивших, желтых зубов.

— Какой уж я вам любезный, — отмахнулся он. — Хам я худородный, и горжусь тем! А что до конячек, то тут их всяк продает, только вот уехать вам завтра с вечера все одно не удастся, вы уж не серчайте...

— То есть как не удастся? — возмутился Элет. — Надо мне, понимаешь, надо!

— Вы, сразу видно, что не тутешний, — хмыкнул Цоколь. — Проклятье висит над ентими землями, штоб его. В полнолуние выходить на улицу в Холмах Готора — верная смерть. Потерпите один денек, господин Элет, не обеднеете, вона у вас и лютня стоит — хорошо сыграете, комнату бесплатно вам отдам...

Элет беспокойно заерзал на стуле, гася в себе искушение рвануться на поиски коня и покинуть Холмы в этот же день, не дожидаясь полнолуния.

«Я-то подожду, — подумал он, — а вот секретная нота из Тхургольна в Триозерье ждать не будет...»

Можно было, конечно, сослаться на плохую погоду, смерть лошади, размокшие дороги, но подобные оправдания не помогали гонцам в тех случаях, когда сообщение обязательно было передать в четко назначенный срок, и ни секундой позже. А Элет кожей чувствовал, что это — именно такое сообщение, и принести его на день позже, все равно что забронировать себе место на плахе в Тан-Тароке, про девять серебряных гольнских гривенников в этом случае нечего было и мечтать.

Удержало его две причины: во-первых, купить коня посреди ночи, да еще и при проливном дожде, было затруднительно, во-вторых, выехать до завтрашнего вечера из Холмов Готора он все равно не успел бы, а значит...

— Расскажи о проклятии, дедушка, — вежливо попросил Элет.

— Какой я тебе дедушка? — расхохотался Цоколь, покачиваясь на своем кресле-качалке. — С вами, иноплеменниками остроухими, и не поймешь, кто кого старше. Вы вот, господин Элет, разбери из какого племени, али крондского, а может, сильфского, или вообще из ульфэ...

Тут старик неприязненно нахмурился, вспомнив о проклятом народе.

— Сильф я, дедушка, сильф, — быстро ответил Элет.

— Сильф? — лоб Цоколя разгладился. — Ну, тодыть все в порядке.

— Проклятие, господин Элет, — начал старик и его голос тут же утратил все признаки деревенского акцента, было заметно, что он рассказывал эту историю никак не меньше одного раза в неделю, настолько отрепетированными были все обороты речи. — Это вещь хитрая, вроде как и нет его совсем, но оно здесь, прячется в сухом крыжовнике, среди травы, в бурьяне, в темных лазах, открывающихся под оползнями, в каждом лесочке, в каждом бору и ельнике... всюду оно здесь, в Холмах Готора, сидит, ждет своего часа. И когда наступает полнолуние — нет от него спасенья...

Беда пришла в первый раз осенью. Тогда еще наши предки только начали обживать эти земли, гольенов тогда загнали на самый Иззубренный Нож, а Лирин пока еще не распространил свою власть на востоке дальше окрестностей Алого Замка. Земля здесь хорошая, странно было б, если б люди ее не заселили. Так вот и возникли пять деревень, что и поныне здесь стоят: Малые Цвяхи, Лесное, Изброд, Старенькое, и мы, значит, Белый Холм. Местность эта была прозвана Холмами Готора, потому как триста лет назад на этом самом месте великий людской полководец Готор разгромил армию Тхурголна и навсегда отобрал у зеленорылых этот берег реки Кровавой. Ну, как водится, сам пал в сражении. Здесь же его могила... Вот когда и поселились здесь первые люди и начало проклятье себя знать давать...

Рассказ старика Цоколя был долгим и приукрашенным излишними деталями, и все же ничего путного о природе проклятья, его причинах или хотя бы манифестации, убивающей свои жертвы, Элет так и не узнал. Единственным дельным предложением, которое он услышал от Цоколя,

было поговорить с местным магом, Гаспом, чем бард и решил заняться с самого утра...

3

Солнце светило сквозь приоткрытые ставни, все еще влажные после бушевавшего ночью ливня, светлой полосой утренних лучей падая прямо Элету на глаза. Скальд открыл глаза и ощупал пальцами свои уши. Ночью его мучили кошмары: закованный в черные доспехи рыцарь долго гнался за ним, пока не нагнал, размахнулся мечом, и Элет увидел перед глазами парящие в воздухе отрубленные уши, чуть заостренные на концах. Его собственные уши. Бред, конечно, как и большинство снов, но повод для беспокойства у музыканта уже был, хотя солнце еще не успело перевалить своим красным, пылающим диском через черный, холмистый горизонт, изредка прерываемый одинокими деревьями, рощами или черным ельником.

Вымыв лицо, Элет спустился в обеденную комнату дома Цоколя. Старик обнаружился там же, спящий в своем кресле-качалке, из которого он в присутствии Элета вставал только один раз — открыть входную дверь пришедшему снимать комнату барду, сейчас надежно закрытую на засов. Вся изрезанная пробивающимися в трещины яркими солнечными лучами, эта дверь пропускала в комнату приглушенные звуки просыпающегося селеня: мычание коров, кудахтанье насекомых и протяжное пение петухов, прерываемое руганью их хозяев.

Решив не задерживаться в доме Цоколя на завтрак, Элет открыл ставни и, чтобы не будить мирно спящего старика, вылез через окно, прихватив с собой лютню, которую не оставлял нигде и никогда, и свой меч, с которым расставался еще реже, чем с лютней.

Едва выйдя на единственную улочку крохотной деревушки, Элет скривился — в нос ему ударил запах сена, перемешанного с полыньей и навозом, ранее заглушаемый дождем, он теперь высвободился на волю, впиваясь в чувствительные ноздри скальда тысячей тонких иголок. Не переставая чихать, Элет спросил у доярки дорогу к жилью Гаспа.

— Колдун, что ли? — презрительно спросила толстощекая поселянка, и Элет не понял, кого она имеет в виду, его или Гаспа. — Он в старой башне живет, иди понизу холма — не пропустишь...

— Спа... чхи! Бо! — сквозь слезы аллергии выдавил из себя Элет и двинулся к выходу из деревушки, обозначенному покосившейся изгородью и скрипучими воротами. Терпеть такой запах в Академии не учили...

Деревня неспроста называлась Белый Холм — вся она располагалась на вершине пологого холма, поросшего светлой травой. Элет спустился по узкой тропинке, обросшей с обеих сторон высоким кустарником и приземистыми одинокими деревьями. Внизу, у подножья холма, плескалась блестящая на солнце речушка, и туман, отступающий к ней, все еще ложился на склон холма легким покрывалом. Если верить словам старика Цоколя, именно здесь было найдено несколько жертв местного проклятья...

Скальд тут же заметил башню: не заметить ее в ясную погоду мог только слепой. Пузатая, сложенная из крупных неровных кирпичей, она сейчас заметно покосилась влево, милостиво предоставляя провалившуюся крышу и чердак живущему в округе мелкому птарству. Подойдя к входу в это анахроничное, полуразвалившееся строение, Элет звучно постучал в дверь. Эхо отдалось по пустынным помещениям первого этажа и замерло где-то в глубине башни.

— Эй, Гасп, открывай! — крикнул Элет хриплым из-за недосыпа и резких, бьющих в нос запахов голосом, обычно не свойственным не то что музыканту, но и вообще любому сильфу. — К тебе гость.

— Кого там черти принесли? — сварливо осведомился хозяин с другой стороны дверей.

— Открывай — узнаешь...

— Только учти, я маг! — гордо провозгласил приглушенный дубовыми дверями голос. — Не моги со мной шутить...

— Открывай двери, Гасп, — прервал его Элет. — Знаю я, кто ты, разговор есть.

— Ты от отца Родия? — опасливо спросил маг.

— Вот еще, — Элет едва удержался от того, чтобы не сплюнуть, хотя в Академии всех студентов рефлексивно отучивали плевать, то есть заставляли плевать и одновременно били по затылку линейкой — действовало безотказно. — В жизни попам не прислуживал! Открывай, Гасп, я по поводу проклятья...

За дверью что-то заскрипело, послышался свист сворачиваемой цепи, и двери, грохоча, отворились, а из полумрака башни вышел человек, которого, на первый взгляд, магом назвать было никак нельзя.

Существуют чародеи, которые вызывают у окружающих страх и почтение одним своим взглядом, движением губ или пальцев, другие — изяществом и красотой одежды, золотыми финтифлюшками посохов. Гасп не относился ни к одной из этих категорий, он вообще не подпадал под определение чародея: невысокий, почти карлик, с маленькими бегающими глазками и венчиком серых волос вокруг блестящей лысины. Носил маг синюю робу на монашеский манер. В руках у него блестели полированным деревом четки.

— Сильф? — спросил он, пристально глядя на уши Элета.

— Угадал, — кивнул скальд и поправил лютню, привлекая к ней внимание.

— Ладно, заходи, — махнул рукой маг и двинулся вглубь башни.

Элет поправил берет и пошел следом, глядя мягкими, чувствительными пальцами рукоять меча.

Они прошли по спиральному коридору, заставленному факелами, прислоненными к закопченным стенам, по которым стекала влага, и кое-где спускались извивающиеся отростки плюща, листья которого были припорошены ссыпавшейся с потолка штукатуркой. Поднялись по узкой винтовой лестнице и вошли в маленький круглый кабинет, расположенный на втором ярусе башни. Высокое остроконечное окно, некогда украшенное витражным стеклом, позволяло свету беспрепятственно проникать в помещение, переливаясь всем спектром на разложенной у окна алхимической утвари: ретортах, перегонных спиральных трубках, пробирках и прочих приборах, названий и назначения которых Элет не знал.

— Присаживайся, — Гасп указал на прислоненный к круглому столу стул с высокой спинкой, Элет не без удовольствия заметил стоящий на столе поднос с грушами и яблоками.

Усевшись спиной к стеллажам, заставленным разномастными корешками книг, он взял яблоко и откусил кусок, тщательно пережевывая сочную мякоть. Гасп уселся рядом, и его бегающие черные паучьи глазки остановились на лице Элета.

— Ты хочешь поговорить о проклятии?

— Да, — Элет отложил огрызок в сторону. — Я слышал, ты занимался этим делом.

— Кто тебе это сказал?

— Старый Цоколь.

— Старый дурак, — поправил маг. — Как и все обитатели этой богом проклятой земли.

— Я думал, что ты не любишь святош, — нахмурившись, сказал Элет и еще раз посмотрел на синюю мантию Гаспа, уж слишком она напоминала серую робу монаха или красный плащ инквизитора.

— Я не поклоняюсь Изису, — успокоил его Гасп. — Итак, что ты хотел знать о проклятии?

— Все то же что и ты, Гасп, — Элет взял в руку еще одно яблоко и ловко закрутил его на пальце.

— Откуда такая заинтересованность? — выгнул бровь Гасп, его черный глаз забегал под ней с еще большей скоростью, как будто придавленный весом кустистой черной брови.

— Сегодня вечером я должен покинуть Холмы Готора — это вопрос жизни и смерти. Мне нужно узнать, как обмануть или победить проклятье.

— Бог помощь! — хмыкнул Гасп.

— Нет уж, сначала ты мне помоги...

Гасп задумался, забарабанил пальцами по столу, зашаркал ногой по полу, открыл рот, закрыл, снова открыл...

— Хорошо, — выговорил он, наконец. — Только если ты мне заплатишь...

— Я дам тебе золотого гольена, если ты скажешь что-нибудь путное, — пообещал сильф.

— Деньги вперед, — с видом прожженного торгаша заявил маг. — Поверь мне, я скажу тебе много интересного... а за такие деньги помогу еще кое-чем.

Элет нехотя порылся в кошеле и выложил на стол золотую тхургольнскую монету, подтолкнув ее к Гаспу, и затаил дыхание, наблюдая за реакцией колдуна. К его облегчению маг, алчно сверкнув

глазами, схватил монету и засунул ее в карман, довольно улыбнувшись, как будто провел простака.

Развалившись на стуле, он махнул рукой и, лениво перебирая четки, начал рассказ:

— Я поселился в этой дыре лет десять назад. Патриарху Вигилию из святилища Истинной Веры в Алом Замке не понравились мои алхимические эксперименты, и я вынужден был спрятаться здесь. Местные холопы были неимоверно рады меня видеть, к тому времени они уже спалили всех местных колдунов и знахарей, подозревая их в связях с демонами. Глупцы! У этих деревенских простаков не было ни знаний, ни таланта, для того чтобы войти в сговор с силами Тьмы и Хаоса. Когда мне вконец надоели просьбы избавить эти места от проклятья, якобы висевшего над ними, я согласился. И что ты думаешь, сильф? Проклятье здесь действительно есть, да еще какое сильное! Изучив все элементарные и плановые составляющие, я нашел здесь следы эльдской ворожбы.

— Невозможно, — перебил его Элет. — Принципы эльдского колдовства потеряны, ими владеют только...

— Дай закончить, сильф, — маг поднял руку с зажатými в кулаке четками. — Эти холмы неспроста названы Холмами Готора, события, описанные в местных сказках и легендах, действительно имели место быть здесь. Готор, полководец из Алого Замка, видевший Резню Новой Луны, сражался с гольенами люто и неистово, за что был прозван Готором Карающим, алым мечом возмездия. Но мало кто из ныне живущих историков знает, что в битве на Трех Холмах вместе с гольенами Тхургольна сражались ополчения ульфэ.

— Обрубленная ветвь? — широко раскрыл глаза Элет. — Невозможно! Как могли ульфэ жить здесь?

— Могли, сильф, и жили! — воскликнул Гасп и ударил рукой по столу в подтверждение своих слов. — На месте полей и пашен столетья назад росли леса, позже вырубленные поселенцами. Здесь стояли небольшие города отверженного народа. Можешь почитать «Хроники Алекариаса» или «Военное искусство Готора Карающего», книги у меня здесь, в башне. Почитай, потрать несколько часов своего драгоценного времени, чтобы убедиться в моей правоте. В битве у Трех Холмов помимо армий Лирина и Тхургольна сражались две сотни ульфэ, выступивших на стороне гольенского нойона, пообещавшего им оставить после победы Холмы в покое... Большинство ульфэ взяли в плен воины Готора, когда армия Тхургольна бежала, оставив их врагу, потому что ульфэ никогда не бегут с поля битвы.

— Постой, если ульфэ были захвачены в плен, то Готор обязан был отправить их в Оплот Веры, на растерзание к совету жрецов. Об этом должно было стать известно — две сотни пленных ульфэ!

— Должен был, — кивнул Гасп. — Но не отправил. Гольены неспроста называли Готора мясником. Он велел пытать ульфэ и лично наблюдал за пытками, стараясь продолжить страдания отверженных как можно дольше. Они проклинали его, умирая на пыточных машинах, истекая кровью, а кровь ульфэ — не просто красная вода. Проклятье поразило его — и маленькая, пустяковая рана, полученная им в бою с гольенами, загноилась, началось заражение крови, загнавшее его в могилу. Солдаты похоронили его здесь же, на руинах поселения ульфэ.

— Он умер, а проклятье осталось?

— Верно, сильф, — кивнул Гасп. — Кстати, забыл спросить твое имя.

— Элет, — представился скальд, поправляя берет, который он так и не снял, входя в башню. Это не укрылось от внимания мага, и тот

понимающе хмыкнул: у сильфов считалось дурной приметой снимать головной убор, входя в жилище чародея.

— Природа проклятья такова, что оно высвобождается только с новой лунной фазой, каждый месяц. Я думаю, что свои жертвы оно выбирает произвольно. Манифестация... здесь я затрудняюсь сказать точно, скорее всего, нечто гуманоидное, и с клыками...

— Методы борьбы? — с видом знатока спросил Элет.

— Все просто. Убить Готора.

— Ничего себе просто, — возмутился сильф. — Он уже мертв.

— Надеюсь, теперь ты понял, о чем я говорил?

— Должен быть еще один способ.

— Он есть, — подтвердил маг. — Убить манифестацию проклятья, но, зная силу проклятья на крови ульфэ, можно с точностью утверждать — это практически невыполнимо.

— И все же?..

— Забудь, сильф, — прервал его Гасп. — Я знаю лучший способ: можно попытаться разрушить астральную составляющую Готора. Говоря языком святош — убить его бессмертную душу.

— Если ты так много знаешь, то почему не изгонишь проклятье сам?

— Поселенцы никак не дадут нужной мне цены...

— Гасп, — тяжело вздохнул Элет. — Люди гибнут. Каждый месяц находят обезображенные трупы, неужели тебе все равно?!

— Да, — спокойно кивнул маг. — Мне все равно. Медведи убивают в месяц втрое больше людей, чума косит их сотнями. Так с чего бы мне обращать внимание на какое-то проклятье? Странно слышать такие слова от сильфа. Какое тебе дело для людей? Разве не они отобрали у вас Триозерье?

— Такому знатоку истории как ты, полагалось бы знать, что мы никогда не владели Триозерьем, — скрипнул зубами Элет. — Мы просто

жили там с согласия Крондари и Тхургольна, также как живем и сейчас с согласия людей Алого Замка. Мы, сильфы, никогда не стремились к власти и приняли господство людей, так же как до этого принимали власть эльдов, гольенов, крондов и цвиргов. Мы желаем жить в мире со всеми, и, в отличие от всех остальных не только проявляем это желание, но и следуем ему.

— Bravo, — зааплодировал Гасп. — Какая пламенная речь о равноправии рас. Тебе бы выступать на трибуне, Элет, а не заниматься всякими проклятиями. Только вот к делу это все равно отношения не имеет. Ты заплатил достаточно, чтобы я открыл тебе способ ликвидации проклятия. Если хочешь — займись этим, нет — мне все равно. Мои услуги в этом деле стоят гораздо больше одного золотого.

— Не волнуйся, — ледяным тоном сказал Элет. — Как-нибудь справлюсь сам...

Гасп равнодушно пожал плечами, встал со стула, и, порывшись в одном из сундуков, прислоненных к стене кабинета, достал оттуда длинный стержень из бледно-серого, с нефритовыми прожилками, окаменелого дерева.

— Ветвь Иегарианнустра, священного древа эльдов. Надеюсь, ты оценишь, как много я тебе даю?

— Каждая третья старая палка с зелеными прожилками претендует на то, чтобы быть ветвью этого бедного дуба, — усмехнулся сильф. — Мне непонятно, почему вы так любите именно это название? У эльдов было много святых дубов, обладающих магической силой, Иегарианнустр был просто самым большим...

Маг пробурчал что-то неразборчивое и протянул сильфу окаменелость, с накрученной на нее медной цепью, оканчивающуюся цилиндром амулета, поверхность которого была исписана письменами. Элет разобрал руну Силы и Охранения от Зла.

— Держи, — поморщился Гасп. — Иегарианнустр или нет, но это штука хорошо послужит тебе, как и амулет. Он хорошо защищает от низших злых духов, во всяком случае, в дневное время.

Маг расхохотался одной ему понятной шутке. Элет промолчал, подождав, пока его собеседник успокоится.

— Что мне делать с этим дрыном?

— Вонзи в грудь Готора, — объяснил Гасп. — Подожди, пока он почернеет, впитав проклятую душу нечестивца, потом сожги на костре, а пепел развей над рекой. Так ты избавишься от проклятья. Но есть опасность, что, вонзая ветвь святого дуба в тело проклятого, ты вызовешь манифестацию проклятья, и тогда придется защищаться, пока кусок дерева эльдов не впитает душу вместе с магической силой проклятия. В защите тебе поможет этот амулет.

— У какого из элементалей ты узнал все это?

— Я, как и любой другой человеческий маг, предпочитаю вызывать Саламандрэ, дух огня.

— Как долго дерево будет напитываться... душой Готора?

— Откуда мне знать? Может, пару минут, может час... в любом случае не больше суток.

— Отлично, — горько улыбнулся сильф. — Ну что ж, Гасп, благодарю покорно, ты был прав, мой золотой ты отработал на славу. Если завтра у могилы Готора найдут мой труп — выпей за упокой души...

— Счастливо, сильф, — безо всякого выражения попрощался Гасп.

Вернувшись в поселок, Элет купил у местного торговца коня за последний оставшийся у него золотой, в придачу к коню он получил

новую сбрую, провиант до самого Триозерья и пригоршню медяков, которыми тут же расплатился с Цоколем за постой.

Забрав с вешалки свой плащ, сильф сообщил все еще сидящему в своем кресле-качалке старику, что идет изгонять проклятье.

— Если завтра ваш монстр куда-то исчезнет, знайте — что это моих рук дело. А если нет — то выпейте за упокой души...

— Удачи, конечно, сильф. Только вот на гиблое ты дело идешь. Скажи хоть, где труп твой искать?

— У могилы Готора, знаешь, где это?

— Тут это каждая собака знает.

— Вот и отлично.

5

Лес дышал сотней запахов и играл на солнце тысячей оттенков зеленого и коричневого цветов. Привязав коня у опушки, Элет удостоверился, что в округе нет поселян, которые могли пострадать при изгнании проклятья, и углубился в чащу, ища руины поселения отверженных, где должна была находиться могила легендарного полководца. Единственное, что вызывало опасения у Элета, это стихийный дух, у которого Гасп просил совета. Сильфы никогда не доверяли духам огня, Саламандрам, предпочитая им воздух и землю. Конечно, дух огня всегда давал верные ответы на заданные прямо вопросы, но о некоторых нюансах он, будучи в плохом настроении, обычно сопровождающем процесс призвания, предпочитал умалчивать, приумножая Хаос во вселенной, которому, как известно, косвенно служит огонь.

Остановившись посреди маленькой поляны, Элет разулся, чтобы лучше чувствовать дыхание наполненной живительными соками земли, место было хорошим, особенно для вызова духа земли — геномуса.

Взяв в руки ветвь святого дуба, сильф начертил в сырой земле, припорошенной старыми опавшими листьями, идеально правильный круг, глубиной ровно в два сантиметра. Определяя на глаз стороны света, как его учили в Академии — по цвету и расположению мха на деревьях, Элет начертил на северной стороне круга руну Силы, на южной — руну Свободы, на восточной — руну Власти, на западной — руну Вечности или как ее иногда толковали, руну Времени. По верованиям сильфов именно на этих четырех основах строилась Вселенная. Четыре столпа бесконечности. Завершив написание рун, Элет расчертил круг на равные, по полметра, сектора, на луче каждого из которых добавил иероглиф определенной звезды, которые сегодня должны были подняться в небо, соответствуя рисунку на круге. Лунные и звездные фазы ему вдалбливали вместе со знанием нот и первых иероглифов сильфской письменности, поэтому касательно звезд он мог ошибиться на несколько минут или часов, но никак ни на несколько дней, а именно такой промежуток времени требовал Охранительный Круг.

Завершив построение сложной фигуры, Элет вонзил точно в центре ветвь священного дуба. В принципе для этого дела подошла бы любая палка, но если уж под рукой было святое дерево, тем более эльдское, то лучше было воспользоваться им.... Надев для верности на шею медный амулет, сильф начал зачитывать заклинание призыва стихийного духа.

Земля вокруг светящегося защитного круга начала колыхаться, превратившись в вязкую грязь. Геномус явился, постепенно выплыв на поверхность из лужи земли, он был частью ее, и ступни его ног буквально срастались с коричневой жижей, окружившей Элета. Геномусы были малыми земными элементами, одновременно принадлежащими как

стихийному плану Земли, так и материальному плану, где обретались их маленькие физические тела: гротескное подобие человека, с длинной, кучерявой бородой и хитрым прищуром маленьких бегающих глаз, знающих все секреты земных глубин.

Геномус, явившийся на зов сильфа, ничем в этом отношении не отличался от других своих собратьев. Невысокий, едва достающий Элету макушкой до груди, с мускулистыми руками и короткими ножками, сливающимися подошвами с землей. Одет дух земли был в длинный фартук, сплетенный из ветвей и листьев.

— Ну, говори, чего звал, сильф, — сказал геномус, глядя исподлобья на Элета.

Малые духи земли слыли непревзойденными обманщиками и искусителями, готовыми отдать все сокровища земных недр алчному магу, взамен завладев его душой и телом. Элет, хоть и зная, что возможности элементарей сильно преувеличены, не без дрожи встретил взгляд этих маленьких глаз, чем-то напомнивших ему бегающие глаза Гаспа.

— Как твое имя, геномус? — спросил после долгой паузы сильф.

— Эдзеркильд.

— Что ты знаешь о проклятии Готора, Эдзеркильд?

Геномус задумался, теребя подбородок мозолистым кулачком. После некоторого времени, понадобившегося ему на раздумья, он ответил:

— Готор — плохой человек, пролил много крови старших народов: гольенов и эльдов... за что и был наказан.

— Разве ульфэ — кровь эльдов? — с сомнением перебил духа Элет.

— Есть, — странно ответил Эдзеркильд, Элету приходилось слышать, что элементарии плохо владеют речью живых народов, предпочитая ей свой вечный язык, и потому их слова часто кажутся загадочными и странными. — Кровь ульфэ — кровь Эльдаров...

— Как и кровь сильфов, и цвиргов, и крондов, и людей, — возразил Элет. — Всех. Кроме гольенов.

— Есть, — снова кивнул геномус. — Но кровь ульфэ есть чистая кровь. Чистейшая.

— Порченная... — фыркнул Элет. — Любая раса, даже хаакар и гольены презирают внутрисемейные браки.

— Возможно, порченная есть, — согласился Эдзеркильд, — но также есть чистая.

Элет нахмурился, разговор с геномусом перешел в ненужную ему сторону, а сильфу не хотелось остаток дня разговаривать с этим существом о чистоте крови ульфэ, хотя это и было очень интересно. Эдзеркильд выдвигал новую точку зрения на этот вопрос, а Элет обожал собирать различные теории, чтобы потом сверить их все и получить Истину.

«Может, как-нибудь попозже...» — сильф подавил в себе соблазн задать еще один вопрос про ульфэ.

— Вернемся к проклятью, — сказал Элет. — Расскажи мне о нем.

— Готор — проклятье, — пробурчал Эдзеркильд. — Проклятье крови, Готор — вечная мука. Проклятье не ушло вместе с Готором, проклятье осталось — плохой человек остался. Каждую новую луну плохой человек убивает других, чтобы смыть их кровью проклятье Готора.

— Что еще за «плохой человек»?

— Плохой человек — не человек, — с присущей лишь элементалям откровенностью заявил геномус. — Не сильф, не цвирг, не кронд, не гольен, не ульфэ, не хаак, не эльд. Никто.

— Ясно. Ты говоришь о манифестации проклятья, — кивнул Элет, — на что она похожа?

— Плохой человек похож на плохого человека, — невинно ответил Эдзеркильд.

Элет глубоко вздохнул, внутренне успокаиваясь. Разговор со стихийным духом всегда считался изнурительным занятием.

— Это поможет мне убить «плохого человека»? — спросил сильф, указывая на торчащую в центре круга окаменевшую ветвь древнего дерева.

— Ветвь дерева Эльдаров? — нахмурился геномус. — О да, ветвь убьет проклятье. А плохого человека убьет твоя сталь, если будешь быстрым и ловким.

— Хорошо, — Элет сглотнул, видя, как тают на земле руны защитного круга, его навыков в колдовстве не хватало, чтобы поддерживать круг больше нескольких минут. — Ты свободен, Эдзеркильд. Возвращайся в землю-что-в-земле.

— А награда? — недовольно спросил геномус, и в глазах его появился неприятный, металлический блеск. Элет вздрогнул, видя такое изменение во внешне безобидном маленьком духе.

— Э-э... — сильф порылся в кармане и вытащил оттуда маленькую хрустальную бусинку, завалившуюся в подкладку вечность назад. — Вот, держи.

Бусинка упала к ногам Эдзеркильда, но тот даже не посмотрел на нее.

— Драгоценная награда дана. Но ты обманул духа земли, — медленно сказал он. — Знания, полученные сейчас, однажды обманут тебя, и ты еще долго будешь жалеть о том, что обманул Эдзеркильда.

— Я заплачу позже! — крикнул сильф, но геномус уже исчез, растворившись в ставшей на мгновение вязкой земле вместе с хрустальной бусинкой.

Последняя руна Магического Круга растаяла в воздухе, рассыпавшись по земле сполохом синих искр. В ноздри Элета ударил сильный запах, напоминающий горелую курицу, как будто кто-то ударил перед лицом двумя булыжниками, высекая искру. Мир вокруг обрел потерянные на время контакта со стихийным планом краски, запахи и звуки. На ветви стремительно зеленеющего дерева залился песней соловей. Элет сбросил оцепенение и направился дальше по тропинке, которая, по словам жителей Белого Холма, должна была привести его к могиле Готора.

6

Ульфэ никогда не строили домов из дерева. Так же как их предки эльды, они поклонялись лесу и силам природы, боготворя деревья. Свои дома они возводили из черного мрамора, который добывали ведомым им одним способом. Колдуны шептались, что этот мрамор на самом деле никакой не мрамор, а земная твердь, обретающая с помощью потерянной для людей магии эльдов форму прочных черных блоков.

Как бы там оно ни было, но постройки ульфэ были прекрасными, мрачными, грустными и скорбящими над своими хозяевами — народом изгнанников, которых не хотели видеть в своих землях остальные жители Микдейи.

От поселения ульфэ в Трех Холмах, как ранее называлась эта местность, теперь остались одни руины: фундаменты башен и провалы на месте стен, осыпавшаяся плитка на месте домов, и заросшие плющом, одинокие стены святилищ, которые не желали падать и рассыпаться в прах, неподвластные всеокрушающему времени. На них были выдавлены письма ульфэ. Все, что осталось от поселения, где жило более трех сотен жителей, растащили солдаты армии Готора, отвезли в Алый Замок,

где из драгоценного черного мрамора тогда возводился монолит павшим в резне Новой Луны, и жрецы окропляли святой водой камень, до этого окропленный порченой кровью потомков эльдов.

Элет остановился перед каменной стеной разрушенного святилища и прочитал выбитую на черной табличке надпись: «Дети проклятой крови не могут найти покой: скорбь, плач и пепел. Все что осталось им». Слова были написаны ульфэ, и сильф почувствовал, как что-то защемило в груди, а на глаза стали наворачиваться слезы. Сильфы, как и все народы Микдейи, ненавидели и боялись ульфэ, но ни один человек, или не человек, еще не мог сказать, что он понимает отвергнутый народ.

На заросшем пепелище все еще звучал шепот живших здесь ульфэ, в поскрипывании деревьев был слышен плач детей и матерей, истязаемых по приказу Готора. Все еще слышался шум ревущего пламени, охватившего крепость-селенье стеной горящего леса, вид которого для любого ульфэ был страшнее смерти.

Саркофаг Готора стоял на месте фонтана, непременно бывшего в центре каждого поселения отверженных. Исписанный затейливым орнаментом каменный гроб, в отличие от окружающих его руин и развалин, не порос плющом.

«Странно, — подумал Элет, — они одного возраста. Или саркофаг защищает особое заклятье?»

Подойдя к белоснежному посреди черных развалин саркофагу, сильф заметил, что на нем не было даже пыли. Все орнаменты, рельефные рисунки и надписи выглядели как новые.

«Здесь покоится Готор Карающий, великий полководец народа людей Лирина и Алого Замка. Гроза Тхургольна и бич ульфэ, павший в неравной схватке у Трех Холмов», — гласила табличка на крышке саркофага.

Элет сжал во вспотевшей ладони ветвь священного дуба. Предки замученных Готором ульфэ несли ему в этой ветви посмертное возмездие, способное лишить мертвого полководца самого дорогого — его души.

Проклятье — вещь опасная и непредсказуемая, особенно если это проклятье прямых потомков древней крови эльдов, пусть порченной, но, как сказал Эдзеркильд, чистейшей крови, как бы странно это не звучало... Поэтому никакие меры предосторожности в борьбе с этим проклятьем не будут лишними. Элет начертил вокруг саркофага три защитных круга, исписав их всеми известными ему оградительными рунами, так, чтобы ничто злое и противоестественное не могло войти в круг, или покинуть его. Он был пока еще не уверен, откуда ждать опасности — манифестации проклятья, из саркофага, или просто из сухого воздуха, все еще наполненного пеплом давно сгоревшего поселенья.

Потеребив медный амулет, так и не снятый после разговора с геномусом, скальд резким движением сдвинул крышку саркофага и отшатнулся, едва удерживаясь от тошноты. То, что лежало в гробу Готора, более не было останками человека. Полководца согласно традиции положили в саркофаг в доспехах, с мечом в руках. За прошедшие сотни лет ржавчина и время почти съели меч, покрыли коричневым налетом некогда сияющий панцирь, заставила кольчугу съежиться и обвиснуть на костях умершего высохшей кожурой потрескавшихся, сточенных колец. Готор был мертв, но плоть все еще не хотела оставлять его тело, вися на сгнившем скелете белыми лохмотьями. Забрало высокого шлема было откинута, и Элет увидел белое лицо некогда красивого молодого человека — магия ульфэ приостановила действие времени, сохранив плоть Готора, и не дав ей распасться и обнажить голый костяк даже через столько лет. Густые черные волосы частично опали, выглядывая из-под железного налобника серой паклей, губы вытянулись в синюю линию,

отвратительную пародию на улыбку, глаза ввалились, а нос превратился в мягкий кусок гнилой плоти...

Проклятье жестоко обошлось с телом Готора и, возможно, не менее жестоко — с его душой.

«Не будет ли последняя смерть освобождением для него?» — отстраненно подумал Элет и замахнулся окаменелой веткой святого дуба, предусмотрительно заточенной на конце.

Окаменелое дерево легко пробило ржавый панцирь, треснувший как сухая скорлупа, и на всю длину вошло в тело Готора, Элет провернул его и отшатнулся, сжимая вспотевшей ладонью рукоять меча.

Фонтанов крови и света не последовало: Готор был пуст внутри, как сгнившее яблоко. Из саркофага раздался высокий, истощный визг, закрипели доспехи. Мертвец поднялся во весь рост, держа в поднятой руке ржавый меч. Раскрытый рот Готора был полон белых зубов, заточенных от постоянного использования, как у мифических вампиров. По-видимому, мертвец исправно питался чем-то все годы своего существования в посмертии.

«Питался чем-то, — ошеломленно подумал Элет, — изуродованные трупы, клыки. Плохой человек. Готор и есть манифестация проклятья!»

Одним прыжком выйдя за пределы круга, Элет остановился, ошеломленно разглядывая чудовище, три столетия наводившее ужас на обитателей холмов, названных в его честь. Проклятый полководец ринулся за ним с несвойственной мертвецам ловкостью, но тут же уперся в границу круга, вставшую перед ним невидимой каменной стеной. Вонзенная в его грудь ветвь не спешила наполняться темной душой нечестивца, а защитный круг, обведенный вокруг саркофага, таял с пугающей стремительностью.

Элет глубоко вздохнул, успокаивая нервы, как его учили в Академии. Правда, там учили успокаиваться перед большой аудиторией, а

не перед застывшим в магическом круге монстром, но техника подействовала, и скальд мог вновь анализировать происходящее. Времени, до того круг рассыплется фонтаном синих искр, выпуская Готора, было достаточно для того, чтобы подготовиться к встрече с неупокоенным генералом Алого Замка.

«Пришло время поработать по специальности», — подумал Элет и снял с плеча лютню, усаживаясь на землю.

На первый взгляд, его инструмент выглядел как обычная лиринская складная лютня, но сложный механизм на грифе, изготовленный цвиргами по заказу Академии более сотни лет назад, позволял превратить безобидную вещь в страшное оружие. Щелкнув пальцем по медному переключателю, Элет высвободил струны, упавшие к его ногам золотой змейкой. Пыхтя под нос простенькую мелодию, сальф наладил запасные струны, отливающие серебром и звенящие более жестко, отдавая закаленным металлом. Закрутил гриф, обхватил левой рукой изящный корпус выточенной специально под Элета лютни, прижал ее торцом в землю и одним движением скрутил механизм на грифе так, чтобы маленькие молоточки, которыми он крепился к деревянному корпусу, смотрели напротив струн. Зажав их указательным пальцем, он для пробы ударил по струнам. Звук — холодный и мелодичный — разнесся по лесу. Готор тупо смотрел на Элета своими пустыми глазами, щуря их на слишком ярком для него солнечном свету.

Элет высвободил из ножен меч и положил его на землю перед собой. Меч сальфа, как и меч любого другого выпускника Академии, был изготовлен цвиргами на заказ с не меньшим, чем лютня, изяществом и старанием. Клинок был полым внутри, длинное отверстие по форме клинка проходило по всей его длине, оставляя лишь узкую кромку лезвия, на вид такого хрупкого и предательски вибрирующего при малейшем движении, но именно в этом и заключалась сила такого оружия...

Сильф улыбнулся и прикоснулся пальцами к ледяным струнам, вспоминая бесконечные часы уроков, проведенные в каменных стенах древней крепости, которая на его глазах рассыпалась в прах.

«Каждое живое или неживое вещество имеет ауру, энергетическое поле, содержащее всю информацию об этом веществе... каждая аура имеет собственный цвет или оттенок, каждому цвету соответствует определенный звук, звуку — положение звезд и планет, тональность или серия звуков — мелодия. Зная цвет ауры, можно определить, какой звук окажет наиболее разрушительное влияние на хозяина ауры, и использовать его для разрушения объекта...» — учитель ударил по струнам, демонстрируя на практике свои объяснения. Первым лопнул хрустальный бокал, зажатый в каменной подставке, потом — сама подставка, предварительно покрывшаяся тонкой паутиной трещин, третий воздушный удар развалил деревянный столик, покрывшийся осколками стекла и камня.

Элет реально оценивал свои шансы: как ученик он всегда был далеко не первым, скорее ближе к концу, и редко мог сплести на струнах боевой лютни звук, способный искрошить графин с водой, не говоря уже об умерщвлении живого существа, что ученикам строго запрещалось, кроме самых крайних случаев. Ведь воздействуя на настолько тонкую материю можно было ненароком убить всех окружающих и себя в том числе. Как мечник сильф тоже отнюдь не блистал: хоть он и клал каждый вечер свой меч рядом с кроватью, но очень редко брал его в руки, чтобы отработать несколько заученных ударов. Единственное, на что хватало его умения — разобраться с двумя деревенскими громилами.

И все же стоило попытаться, тем более что ничего другого скальду и не оставалось. Сконцентрировавшись, Элет попытался прочесть ауру Готора. В мысленном фокусе силуэт живого мертвеца засветился черным цветом ненависти, чистым черным. Элет довольно улыбнулся, настраивая

струны, такую ненависть не источало ни одно живое существо в округе, и можно было не бояться погубить вибрацией звука невинного прохожего или собирающую цветы девочку. Чистая ненависть — признак чистого зла.

Тонкие пальцы сильфа взлетели и обрушились на струны в едва уловимом движении, ударяя по ледяным металлическим нитям, способным испепелить звоном, сопровождающим их мерцающие движения, любого врага. Звук, сотканный из сотен тысяч оттенков звенящих серебряных струн, ударил Готора мощной лавиной, свалив его на землю. Мертвец выронил ржавый меч и забарабанил руками по земле, пытаясь подняться на ноги, сделавшись похожим на огромного металлического жука-навозника, или скарабея, как его красиво называют жители Шадогаара. Элет не стал дожидаться, пока проклятый полководец утвердится в вертикальном положении, пальцы сильфа порхали по струнам, заставляя ауру Готора болезненно пульсировать, соприкасаясь со звуковой волной. Тому все-таки удалось подняться на ноги, перехватить рукой меч и медленно пойти на своего мучителя. Элет ускорил темп, рука слилась в размытом движении, ударяя по лютне со всевозрастающей силой, удерживая проклятое существо на расстоянии. Он не знал, сколько времени это продолжалось, не видел удлиняющихся теней, движущегося по небу солнца. Видел только огненное колесо усталости, повисшее на запястьях, впиваясь обжигающими спицами боли в пальцы. Сломанное колесо.

Готор достиг края растаявшего защитного круга, оставившего после себя неглубокую борозду в земле, еще недавно наполненную синими искрами. Он миновал ее с пугающей стремительностью, как будто звук, издаваемый лютней Элета, перестал причинять ему боль, сковывающую движения и рвущую самую проклятую суть Готора изнутри.

Сильф едва успел отскочить от падающего на него ржавого лезвия, отбросить в сторону лютню и подхватить с земли свой меч. Рука сильно дрожала — что ж, тем лучше. Меч скальда рассек воздух, ударяясь тонкой металлической полоской полого лезвия о ржавую железяку Готора, разлетевшуюся от столкновения на осколки черного железа. Существо взревело и нанесло могучий удар левой рукой, пришедшийся сильфу точно в ухо. Элет упал на землю, попытался откатиться в сторону, но удар ноги, закованной в железо, подбросил его в воздух, выбивая из груди дыхание и ломая ребра, во всяком случае, затрещали они гораздо сильнее ломаемых Элетом при падении на землю веток.

Скальд взвился на ноги, неловко разбрасывая вокруг сухие листья и грязь, и побежал, не оглядываясь, тяжело дыша и придерживая рукой зверски болящую грудь. Готор рванулся за ним, успел сделать два шага, упал на колени, глядя в небо пустыми глазами мертвеца, оскалил кривые зубы и завалился на бок. Окаменелая ветвь древнего дуба, окутанная черным свечением, выскользнула из его груди, переполненная черной энергией чистого зла — бездумного проклятья, наложенного на крови истязаемых ульфэ. Проклятья крови эльдов.

Элет, упершись спиной в ствол древнего, ветвистого дуба, сполз на землю, глупо смеясь. Руки его сильно дрожали. Готор получил, наконец, свой откуп за смерть.

7

Когда жители Белого Холма и любопытные из окрестных деревень на следующее утро заглянули на могилу легендарного полководца, они нашли страшный труп в сгнивших стальных латах, всем своим видом отвечавший любому описанию даже самого страшного проклятья. И маленький, давно потухший костерок полный серых углей, которые

колдун Гасп долго перебирал носком сапога, что-то бурча себе под нос. Так как ни сильфа по имени Элет, ни его трупа в округе не оказалось, жители Холмов Готора справедливо решили, что скальд, как и положено любимым сказочным героям, отбыл по одним ему известным делам, едва разделавшись с проклятьем. А то, что с проклятьем покончено ни у кого сомненья не вызывало — изуродованных трупов, сильфов или не сильфов, в округе не нашлось, а черный рыцарь с кривыми острыми зубами воскресать не слишком собирался — даже когда его дружно, всеми окрестными хуторами, спалили на костре.

Тот факт, что золотые гольенские монеты, которыми Элет, превратившийся в местного героя, разбрасывался налево и направо, еще через сутки превратились в обычные медяки, ни у кого, кроме мага Гаспа, раздражения не вызвало, и это тоже было понятно.

Конь со сбруей, комната на ночь и стакан вина — не такой уж большой откуп за избавление от проклятья.